

Л. П. РОЦЕВСКАЯ

«СУРГУТСКАЯ ИСТОРИЯ»

(Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века
в Западной Сибири)

В те годы дальние, тухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией.
Простор совинные крыла.
И не было ни дна, ни ночи,
А только тень огромных крыльев...

А. БЛОК.

В 80-е годы XIX века Россия переживала жесточайшую реакцию. Ее зловещим символом являлся обер-прокурор Синода Победоносцев. Говоря словами В. И. Ленина, это был период, «когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или сият (новидимому, спят) забытые и задавленные каторжной работой и нуждой массы»¹, это был период, когда политическая реакция погрузила целое государство в атмосферу тюрьмы².

Чтобы подавить революционное движение и развитие передовой мысли, царизм в широких размерах использовал ссылку своих политических противников или лиц, подозреваемых в антинархнических настроениях. Но прогрессивная, энергичная и решительная часть русского общества, революционно настроенная молодежь не могла мириться с наступившей мрачной порой, с уделом пассивных наблюдателей. И

те, кого замуровывали в тюрьмы, и те, кого заталкивали в самую дальнюю даль, не успокаивались. Они давали о себе знать и порой самым неожиданным образом поддерживали начало революционного брожения.

Революционное настроение ссыльных доказывало реакционному правительству, что и в изгнании они составляют большую силу, с которой должно считаться самодержавие, что сама политическая ссылка есть аккумулятор будущих революционных выступлений. Характерно, что именно в период 80-х годов XIX века произвол царской администрации, полиции, тюремщиков вызывали многочисленные протесты политических ссыльных и каторжан. За ними следовали жестокие, кровавые полицейские расправы. Одно за другим произошли выступления политссыльных в Березове и Обдорске на Обском Севере, известная среди революционеров «Сургутская история», последовавшие за ней Якутская бойня и Карийская трагедия.

Нельзя упускать из вида, что это были не единичные выступления. В России, на воле, в эти годы усилилось революционно-демократическое движение: волнения среди крестьян и революционного студенчества, некоторое оживление переживавших идеиный кризис народовольческих и народнических кружков³.

Несомненно, эти волнения, особенно студенческие, имели связь с выступлениями ссыльных. Несомненно, волнения ссыльных не проходили бесследно для тех, кто еще боролся на воле. К сожалению, об этой связи в солидных трудах и учебных пособиях даже не упоминается. Создается впечатление полной оторванности событий на воле и в ссылке. Но это был все же единый процесс общественно-политической жизни России.

Не останавливаясь на всех протестах сибирских политических ссыльных в 80-х годах, мы ограничимся исследованием обстоятельств, предпосылок и хода сургутской истории, поскольку она положила начало серии активных протестов ссыльных народовольцев, знаменовала собой определенный этап политической ссылки в целом.

В литературе сургутская история в достаточной степени не исследована. В «Истории Сибири» (т. 3) о ней только упомянуто. Более подробно останавливается на этом событии Л. А. Ушакова. Не затрагивая самой сургутской истории, не

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 12, стр. 332.

² См. Б. П. Балуев. Политическая реакция 80-х годов XIX века в русской журналистике, М. 1971, стр. 5.

Ханты-Мансийская
окружная библиотека
НГО

³ См. «История СССР», т. V, М., 1968, гл. X.

давая характеристику её участников, автор в своей интересной статье о тактических и идеальных позициях сибирской ссылки 80-х годов, дает удачный анализ откликов на сургутскую историю среди ссылочных⁴.

Впервые воления политических ссылочных в Сургуте подробно изложил в 20-х годах бывший политический ссылочный Тобольской губернии С. П. Швецов. Современник событий, хорошо знавший сургутских товарищей по горячим следам мог собрать довольно много сведений и материалов о происшествиях в Сургуте, а затем в Якутске. Поэтому его рассказ имеет особое, источниковедческое значение⁵.

Некоторые данные биографического характера об участниках событий в Сургуте имеются в статье Сургутинина «Сто лет сургутской ссылки»⁶. Эти характеристики кратки, в них представлены разнообразные и важные сведения о политических ссылочных, но самой истории в Сургуте автор не касается.

Из мемуарных материалов привлекают внимание воспоминания участника событий ссылочного М. П. Орлова. Он описал свою жизнь в Нельме после ареста и высылки из Сургута. Автор показал, что ссылочные и на новом месте стремились вести пропаганду среди местного населения и добились их уважения и признательности⁷.

Краткое изложение сургутской истории дал И. И. Майнов в воспоминаниях, посвященных В. Я. Яковлеву-Богучарскому. В их основу положены рассказы очевидцев — сургутян В. Я. Яковлева, А. П. Вадзинского, Я. И. Дибобеса, М. Д. Гуревича и Я. И. Меримкина, с которыми автор оказался на поселении в Восточной Сибири. У них еще были свежи и остры воспоминания о событиях, за которые их выслали на восток⁸.

Материалы следствия по сургутскому делу имеются в фонде III отделения, хранящегося в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР).

⁴ Л. А. Ушакова. К вопросу об идеальных, тактических позициях революционного народничества в сибирской ссылке — в кн. «Из истории Западной Сибири». Научные труды Новосибирского педагогического института, вып. 45, Новосибирск, 1970.

⁵ С. П. Швецов. К «предыстории» Якутской бойни — ж. «Каторга и ссылка», 1929, № 4, стр. 119—131.

⁶ Сургутинин. Сто лет сургутской ссылки — там же, 1929, № 12.

⁷ М. П. Орлов. Воспоминания о И. Л. Зотове — там же, 1929, № 8—9; его же. В Нельмской ссылке — там же, 1930, № 11.

⁸ И. И. Майнов. (Саратовец). На закате народовольчества (нами-ти В. Я. Богучарского) — ж. «Былое», 1917, № 5—6, стр. 45.

Дело о сургутских событиях, отложившееся в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (ТФГАТО) имеет очень своеобразное название: «По отношению вр. и. д. начальника тобольского губернского жандармского управления о политических ссылочных г. Сургута, дерзко, неприлично ведущих и совершаюших существующий за ними надзор полиции»⁹. Кроме того, там же в пяти разных фондах нами изучено более 40 дел с материалами о сургутских волнениях. В них полностью имеются черновики протоколов допросов и обысков, переписка с розыске бежавших, заявления и прошения, написанные подчас в категорической форме.

Интересны и ценные рапорты исправников и переписка по поводу корреспонденций ссылочных. Если письма были перехвачены, они, чаще всего сохранялись в тобольском архиве. Как источник, подобные документы очень полезны для раскрытия контактов ссылочных. В канцеляриях исправников и вышеупомянутых лиц иногда оставались копии писем или кратко излагалось их содержание. Вычеркнутые цензурой тексты всегда полностью переписывались. Такого рода источники встречаются редко, но они приобретают исключительное значение, так как раскрывают самые сокровенные стороны деятельности и взгляды изгнанников в Западной Сибири.

Письма и документы, связанные с сургутской историей, находятся также в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА), в Центральном государственном архиве Литературы и Искусства (ЦГЛИ), в Москве и Алма-Ате.

* * *

В 80-х годах прошлого столетия Сургут представлял собой очень небольшой городишко. По сведениям губернского статистического комитета, на январь 1886 года в нем было 1440 жителей. Секретарь комитета К. М. Голодников совершил в середине 80-х годов поездку в Сургут и так описал этот уездный центр: «В нем три-четыре улицы с таким же количеством порядочных (по званию города) домов; остальные же в числе двухсот с небольшим — просто лачуги». В городе было приходское училище, где училось 37 мальчиков, 17 лет, до 1885 года действовала и женская школа. К. М. Голодников особо выделил, что метеорологическая станция Сургута была

⁹ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, 657 листов.

бенован в 1879 году, наблюдения вел и посыпал их в Пулковскую обсерваторию политический ссыльный Л. А. Иванов¹⁰.

Большой труд о сургутском крае опубликовал в 1889 году С. П. Швецов. Он жил в сургутской ссылке с 11 сентября 1880 года по 28 июня 1881 года. Округ представлял собой «дикую, почти безлюдную местность». Автор все время подчеркивал, что борота, непроходимые леса, «не менее непроходимая, но голая, лишь мохом да мелкой порослью прикрытая тундра», чрезвычайно суровый климат, резкие петры — все это делает условия жизни в Сургуте «окончательно нестерпимым, убийственным действующим на непривычного человека» (подчеркнуто нами — Л. Р.), то есть, приезжих, политических ссыльных.

«Непривлекательна наружность городка, — писал С. П. Швецов, — на небольшой, очищенной от леса песчаной площадке разбросано несколько десятков деревянных домишек, большей частью старых, покрившихся от времени; на самом берегу, почти над обрывом, пристояла бедная и ветхая, немножко покачивающаяся церковь. С трех сторон городок, как стена, окружен вековым хвойным лесом, и лишь одна сторона свободна от него — внизу, далеко под горой катит свои мутные, холодные волны упрюмая красавица Обь».

Весной и осенью с наступлением распутицы, всякое сообщение Сургута с внешним миром прекращалось. Тогда, вспоминал Швецов, город «принимает до крайности гнетущий вид чего-то жалкого, убогого, закинутого в лесную трущобу на край света».

Дальше С. П. Швецов рассказал об уездном городе как «культурном» центре. Он считал, что официальные данные о количестве населения города преувеличены. Женская школа в его времена была заколочена, а в 1882 году и здание мужского училища было отдано под частные квартиры. Остановился Швецов и на медицинском обслуживании населения, так как это послужило одним из поводов выступления ссыльных 1888 года. На целый округ, площадью в 192000 кв. верст, имелась только одна больница на 12 кроватей, но она не пользовалась популярностью среди населения, и больных в ней почти никогда не бывало¹¹.

¹⁰ К. Г. На северо-востоке Тобольской губернии — газ. «Тобольские губернские ведомости», 1886, № 4.

¹¹ С. П. Швецов. Очерк Сургутского края — в кн. «Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества», кн. X, Омск, 1889, стр. 1—5, 9—10.

Еще в 1883—1884 годах во многих местах Тобольской губернии резко обострились взаимоотношения между политическими ссыльными и местной администрацией. Поводом послужило запрещение отлучек за городскую черту. Это вызвало возмущения. Ссыльные отказывались выполнять распоряжения губернатора, не давали подписок о повиновении, демонстративно выходили на прогулки за черту города. Тогда местные власти стали группами высыпать подиадзорных дальше на север.

На один из запросов министерства внутренних дел тобольский губернатор в 1883 году писал что наиболее удобным местом для ссылки является Сургут, так как он расположен вдали от крупных городов и главного сибирского тракта, а население, по определению губернатора, там наиболее отсталое и не поддается пропаганде. Странтивых ссыльных поэтому стали поселять в Сургут.

В одном из писемпольского ссыльного Тобольской губернии дана такая характеристика политики местной администрации,ironически названной «либеральной»: «Губернатором Тобольской губернии теперь некто Тройницкий — либерал, который объявил ссыльным, что входит в их положение и будет стараться не ухудшать его без нужды. Первым шагом его либеральной деятельности было воспрещение загородных прогулок: ссыльные единодушно выразили протест этому беспричинно... Немедленно после этого последовали страшные преследования, одних арестовали, других переселили, затем большинство выслали на дальний север в Березов и Пельмы»¹².

К зиме 1887—1888 года в Сургуте находилось 25 ссыльных. Больше 10 лет там жил член южнороссийского союза рабочих В. Я. Мрачковский¹³. В 1883 году поселили осужденных по процессу 193-х за народническую пропаганду супругов А. Н. и Е. И. Аверкиевых. В декабре 1884 года перевели из Ишима за двукратные попытки бежать бывшего студента Петербургского университета В. А. Броневского.

В июне 1884 года в Сургут доставили студента Н. А. Блинова. Он не считал себя членом Народной Воли, но был знаком с С. Л. Перовской и после ее казни прашался среди ру-

¹² ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д. 86, л. 10. В. А. Тройницкий был тобольским губернатором в 1886—1893 годах.

¹³ См. о нем Л. П. Роцкая. Члены Южнороссийского союза рабочих в тобольской ссылке — в кн. «Исторический сборник». Ученые записки кафедры истории Тюменского педагогического института, т. 33, вып. 1(6), Тюмень, 1967.

ководителей партии, за посредничество в передаче писем сожержавшимся в Петровавловской крепости народовольцам его администрацию выслали на три года в Сибирь¹⁴. Н. А. Блинов и семья его товарищей написали министру внутренних дел заявления о притеснениях конвойного начальника¹⁵.

Из сургутской колонии до ссылки был на каторге только Семен Иванович Агапов. Московский ткач, член «Всероссийской социально-революционной организации», он произнес на суде, как писала В. Н. Фигнер, «небольшую, искреннюю и вполне литературную речь». С. И. Агапов говорил о причинах, которые привели его в ряды революционеров: «Я — рабочий;... Я много думал о средствах улучшить быт рабочих и, наконец, сделался пропагандистом. Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться существенного улучшения своего положения. Я не работаю в своих поступках; я твердо убежден в том, что не сделал ничего дурного, а только исполнил свой долг, долг честного рабочего, искреннего, всей душой преданного интересам своих бедных замученных собратий»¹⁶.

По процессу 50-ти С. И. Агапова осудили к каторге на заводах, в 1880 году он был выпущен на поселение в Баргузин, а летом 1885 года переведен в Западную Сибирь. На одном из этапов Агапов вступил в пререкания с конвойным офицером и был закован в ручные кандалы, почти весь его багаж также распродали с торгов, а его с женой отправили на самый север Тобольской губернии. «Впоследствии приходилось слышать, — вспоминал современник, — что условия жизни Агаповых в новом месте их поселения были худшими, чем в Забайкалье»¹⁷.

В августе 1885 года в Сургут доставили членов смоленского пропагандистского кружка И. И. Неклешаева¹⁸ и А. И.

¹⁴ ЦГИА, ф. 1405, оп. 85, д. 10869, л. 69 об., ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 9.

¹⁵ ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 11; л. 31 (заявление Н. А. Блинова от 14 июня 1885 г.); оп. 10, 1884, д. 72, л. 29.

¹⁶ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 43. Речь С. И. Агапова опубликована также в пособии для учителей средней школы (С. С. Дмитриев. Хрестоматия по истории СССР, т. III (1857—1894), М., 1948, стр. 301).

¹⁷ Л. Г. Дейч. 16 лет в Сибири. М., 1924, стр. 105—106.

¹⁸ Л. П. Рощевская. Изучение народов Обского Севера политссыльным Н. И. Неклешаевым в 80-х годах XIX века — в кн. «Материалы IV Кomi республиканской молодежной конференции», Сыктывкар, 1970, стр. 8—9.

Петровского, поляка С. М. Лесневича и руководителя рабочего кружка на Мотовилихинском заводе в Перми В. Ф. Казакова¹⁹. Сургутский полицейский исправник не раз отмечал в ведомостях о надзоре «непослушание» ссыльных, особенно А. И. Петровского. «Дух неповиновения, дерзости и оспаривания каждого законного требования полиции настолько обуял Петровского, что он проявляется у него даже в самых простых видах...»²⁰.

В 1886 году в Сургут приехали член «Общественческого союза» М. Д. Гуревич и переведенный из Туринска народоволец Я. И. Дибобес²¹. В 1887 году колония пополнилась на 14 человек. Основная масса поступила из Туринска и Ялуторовска в наказание за самовольные отлучки за городскую черту. В частности, из Ялуторовска приехали народовольцы М. П. Орлов (член рабочей группы Народной Воли), А. В. Молдавский (сосланный по делу А. Похитоновой), А. Н. Лебедев (участник воронежских кружков), Н. Л. Зотов (дело С. Кангера).

Из этой группы наибольший интерес представляет Н. Л. Зотов. Еще в Бутырской тюрьме он участвовал в беспорядках, по дороге неоднократно являлся инициатором выступления пересыльных. После ареста он все время шел на обострение отношений с конвоирами, полицейскими и жандармами.

Когда в сентябре 1884 года ялуторовские изгнаники пытались устроить встречу с пересыльными, находившимися в Степное генерал-губернаторство и пробились сквозь цепь конвойных, Зотов оборвал у начальника конвоя де-Вериуа погон. Конвоиры прикладами опрокинули Зотова. Он был арестован и просидел в тюрьме с 22 сентября 1884 года до 13 апреля 1885 года²².

Из Туринска в Сургут прибыли народовольцы В. Я. Яковлев (военная организация Народной Воли), Я. И. Меримкин

¹⁹ О его революционной деятельности до ареста см. Б. Рабинович. Пермские «декабристы», 1880—1883, Пермь, 1966. Находясь в пермской тюрьме В. Ф. Казаков получил от И. Н. Мишкина, которого везли с Кары, паписки и сумел передать их для печати («Деятели революционного движения в России» (ДРД), т. 3, вып. IV, грандка. Отдел Рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 520).

²⁰ ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 72, л. 47.

²¹ Там же, оп. 11, 1886, д. 13, л. 24; оп. 11, 1885, д. 29.

²² Там же, оп. 10, 1884, д. 54, лл. 3—4, 29, 146. Центральный Государственный архив Казахской ССР (ЦГА КазССР) ф. 64, оп. 1, д. 5263, л. 16—17.

(харьковские народовольческие кружки), И. И. Лазаревич (дело А. Покитоновой), Л. В. Колегаев (дело Г. А. Лопатина)²³, студент А. П. Вадзинский.

Поручик В. Я. Яковлев, впоследствии историк революционного движения в России Богучарский, уже после сургутской истории и, видимо, под ее влиянием обратился в тобольский губернский суд с протестом о неверном, с точки зрения царских законов, переводе его в Сургут за отлучки. Параграф за параграфом он анализировал «Положение о полицейском надзоре 1882 года», доказывая, что не нарушил его²⁴. Еще в Тюмени у А. П. Вадзинского произошел конфликт с помощником смотрителя пересыльной тюрьмы, который объяснил свою грубость тем, что, якобы, Вадзинский угрожал ему побоями. За это ссыльного отправили дальше на север²⁵.

Из Турина же за самовольные отлучки летом 1887 года доставили осужденных по делу польской марксистской организации «Пролетариат» Л. И. Рудницкого и П. И. Зарембо с семьей²⁶.

В том же 1887 году несколько сургутских ссыльных получили освобождение или были переведены в другие города (П. Недошивин, А. Семенов, С. Сотников, Н. Франтук, М. Сычанко-Ослопова).

Из 25 ссыльных сургутской колонии 17 человек еще до Сургута участвовали в Сибири в различных столкновениях с полицией, писали протесты и заявления, т. е. проявили себя людьми, не желавшими уступать и подчиняться правительству.

Социальный состав колонии — разночинный: два крестьянина, два сына купца, почетный гражданин, сын чиновника, пять менщиков, пять из семей священнослужителей и девять из дворян.

Сургутские политические ссыльные были связаны тесными узами революционного братства. Одни вместе следовали в Сибирь, другие судились по одному процессу, третий были земляками, хотя и принадлежали к разным нелегальным

²³ Л. В. Колегаев оказывал помощь и чернопередельцам и народовольцам, а в 1883—1884 годах ездил в Швейцарию, познакомился с Г. В. Плехановым и дал ему деньги на революционные нужды (ДРД, т. 3, вып. IV, грани ОР ГБД, ф. 520).

²⁴ Протест хранится в его фонде в ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 1.

²⁵ ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1887, д. 30; оп. 12, 1888, д. 15, л. 354—384.

²⁶ Там же, оп. 11, 1885, д. 66.

группам. Ярким доказательством их дружбы явилось то, что все холостые ссыльные жили вместе.

Так как Сургут представлял собой в ту пору очень маленький городок, то ссыльным негде было применить свои знания и опыт, найти средства к существованию привычным трудом. Среди ссыльных было 10 студентов, три учащихся средних учебных заведений, военный, учительница, пять рабочих, техник. Некоторые пытались заниматься ремеслом: Аверкиев и Зарембо стали кузнецами, Рудницкий и Агапов — сапожниками, Л. Иванов — столяром. Но заработки были ничтожными и непостоянными, большинство испытывало тяжелую нужду.

Хотя, по сведениям губернского статистического комитета, в город поступало 22 периодических издания, духовные потребности ссыльных это чтение далеко не удовлетворяло. Популярностью у них пользовались передовые газеты «Восточное обозрение», «Сибирская газета», либеральные издания «Русская мысль», «Газета Гатцука», «Неделя». Кроме того, знакомились с официальной газетой «Правительственный вестник», так как только в ней печатали материалы политических процессов.

Ссыльные старались повысить свой интеллектуальный уровень, брали уроки у учительницы французского языка польской ссыльной С. А. Боуфал, которую в июне 1887 года сослали на два года в Сибирь²⁷.

Для сургутской колонии 1887—1888 годов характерно крайне боевое настроение, стремление ии в чем не уступать царским тюремщикам и полицейской администрации. Ссыльные были до последней степени раздражены произволом и насилием местных властей, этакими мытарствами, полугодовым существованием, почти полнейшей бездеятельностью и острым сознанием своего бессилия. Многие часто болели. Но медицинской помощи в Сургуте фактически не было. Единственный на всю округу врач Соковин пьянствовал, а в медицинских свидетельствах писал: «больной ии на что не жалуется».

Ускорила выступление сургутян смерть их товарища Льва Андреевича Иванова (1852—1887). По процессу 50-ти его сослали в Туриск, а в 1880 году за создание кружка турийской интеллигенции, где изучали не только народническую пропагандистскую литературу, но и «Капитал» К. Маркса, переве-

²⁷ ДРД, М., 1932, т. 3, вып. I, столб. 402—403; ЦГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 10293.

ли в Сургут. Иванова очень любили и уважали друзья за душевность, бескорыстие и добродушие. Удивительно трудолюбивый и приветливый, человек редкой честности, Иванов всегда делился последним с товарищами.

В Сургуте он тяжело заболел, у него началось воспаление спинного мозга, парализовало руку и ногу, отнялся язык. На неоднократные просьбы Иванова о помещении в больницу губернатор не отвечал. Ссыльные, сделав долги, собрали крупную сумму денег для лечения Иванова. «Участь Иванова, как дамоклов меч, висит над головой каждого из нас», — поговаривали друзья.

Когда, наконец, Иванову разрешили ехать в Тобольск, было уже поздно, в дороге он умер. Хоронила Иванова тобольская колония ссыльных. «Подобные похороны имеют характер политической демонстрации», — отозвался губернатор.

В 1888 году в Сибири распространялся протест русской политической ссылки на имя Александра Ш. В нем были такие строки: «Как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Троицкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потешенного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи... и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол, или обнародовало, что он принимает на себя ответственность за эти убийства»²⁸.

Однако в Сургуте медицинское обслуживание не изменилось²⁹. Чашу терпения перенесли случай с заболевшими И. Лазаревичем и В. Яковлевым. Врач не мог установить диагноз и признал их здоровыми. 22 декабря 1887 года они отправили губернатору прошение о помещении их в тобольскую больницу, так как «при существующих в Сургуте условиях никакое лечение немыслимо»³⁰.

Если вначале ссыльные Сургута, как и в других местах, боролись за разрешение выходов из города, то теперь обстоятельства сложились так, что важнее оказалось добиться улучшения медицинского дела.

М. П. Орлов вспоминал: «ночти с первых дней нашего пребывания у нас начался целый ряд совещаний, вызванных с одной стороны общим желанием организовать по возможности

более яркий протест, с другой — очень тяжелым финансовым положением сургутской колонии»³¹.

* * *

Возбуждение среди сургутских ссыльных особенно усилилось в конце 1887 года. Это было вызвано, как мы видели, «ренебрежительным и явно провокационным отношением к ним местной администрацией. В колонии не раз возникали мысли о необходимости протеста. Тем более, что в Тобольской губернии, как отмечал С. П. Швецов, с давних пор политические ссыльные «свсегда находились в воюющих отношениях» с местной администрацией, полицией и губернаторами»³².

В условиях усилившихся репрессий ссыльные могли выступать против стеснений в порядке индивидуальных протестов, которые затем перерастали в групповые, поскольку затрагивали всех, и принимали более резко выраженный антиправительственный характер.

Среди сургутян образовалось несколько групп. Одни считали необходимым выступить немедленно и решительно, другие — не идти на обострение отношений. Интересно отметить, что и те, кто в принципе придерживался умеренности, включались в силу обстоятельств в активную «протестантскую» борьбу. Конечно, это не вытекало из свойств их характера, а было проявлением солидарности с товарищами.

Большинству сургутских ссыльных оставалось жить в изгнании меньше половины (год—два), а у некоторых сроки заканчивались весной и летом 1888 года. Несмотря на это, игнорируя собственное благополучие, они решались протестовать, добиваться облегчения участия всех политических ссыльных, «через непосредственное революционное воздействие на губернскую администрацию», как они заявляли.

22 декабря 1887 года 21 ссыльный Сургута подписал коллективное заявление губернатору, в котором прежде всего подчеркнуто, что они использовали все легальные средства, чтобы обратить его внимание «на одно из беззаконных и вопиющих нарушений наших прав». Они еще раз написали об отсутствии медикаментов и медицинской помощи, о невозможности пьянницы и «сихопата» — сургутского врача и, рассказав о смерти Иванова, делали вывод: «Таким образом, всецело на Вас падает ответственность за смерть Иванова»³³.

Первые дни ожидания губернаторского ответа были относительно спокойными, но время шло, а положение не измени-

²⁸ «Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г.» — ж. «Красный архив», 1930, т. 4—5, стр. 210.

²⁹ ТФГАТО, ф. 152, 1888, д. 65.

³⁰ Там же, д. 15, л. 6—11.

³¹ М. П. Орлов. Воспоминания о Зотове, стр. 156.

³² С. П. Швецов. К предыстории..., стр. 119.

³³ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 19—20.

лось: рецепты, написанные ссылочными врачами, признавались недействительными, в аптеке не выдавали уже никаких медикаментов, а больнице закрыли.

16 января 1888 года, как доносил начальник губернаторского жандармского управления, ссылочные устроили собрание «почти всех, находящихся в Сургуте политических ссылочных, из коих известны следующие: Николай Блинов, Василий Казаков, Сигизмунд Лесневич, Александр Вадзинский, Василий Яковлев, Петр Зарембо, Михаил Орлов, Лука Колегаев и Александр Молдавский, они отправились к врачу Соковину и в дерзкой форме потребовали, чтобы им отпустили лекарства.. Все ссылочные были в последней степени озлобления и выражали угрозы»³⁴.

19 января 1888 года ссылочные послали еще одно заявление. Его подписали 18 человек (нет подписей И. М. Соколова, Е. А. Броневского и Л. И. Рудницкого)³⁵. Напоминая, что они ждут ответа, под надзорные назначили срок: решение должно быть сообщено с первой почтой: «считаем себя вынужденными объявить Вам, что если с следующей почтою ответа не будет, мы примем это молчание за отказ»³⁶.

Подходя к концу еще один месяц. Ссылочные составили, отгектографировали³⁷ петицию и 16 февраля 1888 года отправили ее министру внутренних дел³⁸.

³⁴ Там же, л. 1—2.

³⁵ Это единственное заявление, которое по невыясненной причине Соколов не подписал. В. А. Броневский находился в Сибири с 1881 года, ему дважды продлевали ссылку. Последний срок должен был окончиться в сентябре 1888 года, и колония решила, что ему целесообразнее не участвовать в протестах. Л. И. Рудницкий в самый разгар событий подал прошение о помиловании, получил от губернатора хорошую рекомендацию, «несмотря на преступления, сделанные в ссылке, ибо находился под давлением большинства». Позже переехал в Тобольск, где жил под глазным надзором до 1903 года (ЦГИА, д. 1405, оп. 85, д. 10894 а, л. 405; ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 66, л. 493—524, ф. 1, оп. 3, д. 46(1), л. 41).

³⁶ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 22.

³⁷ 20 июля 1888 года при обыске у Бауфал был обнаружен ручной типографский станок и набор букв (Там же, л. 176, об.—187).

³⁸ Там же, л. 23 об. Единственный гектографированный экземпляр протеста «Гашение политических ссылочных в Сургуте» хранится в ЦГАОР, ф. 1742 («Сводный каталог русской легальной и запрещенной печати XIX века», М., 1971, стр. 472). Кошия рукой В. В. Яковleva-Bogucharского см. ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 195. Текст петиции жандармы нашли в феврале 1894 года в Саратове у брата бывшего березовского ссылочного Г. А. Глико («Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1894 год», стр. 51—52).

Этот документ, размноженный позже гектографом, свидетельствует, что ссылочные хотели познакомить широкую общественность с тем, что творится в Сибири. Это звучало как призыв к единодушным действиям. Распространение петиции было тщательно продумано и осуществлено настолько скрыто, что некоторые ее экземпляры были найдены у под надзорных много лет спустя, попали заграницу к С. М. Степняку-Кравчинскому.

Петиция министру внутренних дел, имевшая форму протеста, приобрела большое политическое значение.

Документ был озаглавлен «Гашение политических ссылочных в Сургуте». В нем подчеркивалось, что на практике нет никакого различия в положении сосланных по суду и административно и что административная ссылка фактически представляет собой систематическое нарушение прав и интересов человека.

Как бы ни было строго наказание, ссылочных нельзя лишить права зарабатывать средства собственным трудом. Инструкция о политических ссылочных запрещает им все роды интеллектуального труда, наиболее им свойственного как-то педагогического, литературного, медицинского, формацентического и пр.». Из всех видов физического труда для ссылочных наиболее приемлемо земледелие или ремесло, но правительство поселяет их «не в земледельческой полосе и в местностях, где совершенно почти отсутствует спрос на продукты столярного, токарного, кузнечного, слесарного, переплетного и др. ремесел». Промыслы же недоступны из-за запрещения оглушек.

Правительство выплачивало по 6 рублей пособия «для так называемых лиц привилегированных» и 3 руб. 60 коп. для остальных. Но этих денег было явно недостаточно, так как, по подсчетам авторов, только на скучное питание необходимо 10 рублей на человека.

Основной упор в протесте сделан на беззакониях «стаковых жандармских администраторов», как губернатор Троицкий, за которого трагически оборвалась жизнь Л. Иванова. Ссылочные повторили требования, которые они предъявили губернатору, и закончили петицию заявлением, что использовали все легальные способы: «Отныне мы перестаем призывать его власть и всякие исходящие от него распоряжения не считаем для себя обязательными. Условия ссылки и по существу своему слишком тяжелы, чтобы гнет их мог еще быть увеличен произвольными и беззаконными распоряжениями подобных администраторов».

Выждав некоторое время, 1 марта 1888 года С. И. Агапов послал копии протестов в Баргузин знакомому ссыльному А. Мушкину³⁹. Пакет перехватила полиция.

Одновременно с составлением протеста было решено общими силами организовать побег двух товарищей, чтобы дать им возможность проявить себя в революционной борьбе и известить общественность России об условиях тобольской ссылки. Из ссыльных, не обремененных семьей, для побега выбрали И. И. Лазаревича и А. И. Лебедева—молодых, выносливых, находчивых и выдержаных. Учитывалось и то обстоятельство, что Лебедеву предстояло еще три, а Лазаревичу—два года прозябать в ссылке. Сталикопить деньги, расходы колонии урезали до предела.

И. И. Лазаревич и А. И. Лебедев бежали в ночь с 18 на 19 февраля.

В рапорте помощника сургутского исправника 14 марта 1888 года сообщалось губернатору, что Лазаревич и Лебедев бежали из дома, где жили одни, без хозяев, что дом «судобен для побегов, так как ссыльные упорно не пускали к себе надзирателей. Против этих строк губернатор написал: «это не дом, а слабость надзора», а против вопроса полицейского, нельзя ли освободить это помещение от ссыльных, сделала падине: «страстное желание»⁴⁰.

При разборе дела о побеге тобольский следователь неожиданно выяснил поразительное явление: «большая же часть из небольшого состава стражников и надзирателей сургутской полиции положительно предана ссыльным»⁴¹. Следователь отметил, что И. И. Лазаревич и А. И. Лебедев бежали 19 февраля, но вплоть до 10 марта надзиратель Прокуряков скрывал побег от начальников. Когда же его уволили за пособничество ссыльным, «они определили уволенному Прокурякову такое же содержание, какое он получал на должности надзирателя».

Лебедев и Лазаревич пользовались поддержкой местного населения. В кругу хороших знакомых ссыльных находились сургутяне П. Л. Вергунов, Е. И. Букашин, И. Я. Баталин, И. Ф. Кайдалов⁴², Л. И. Кушников, М. К. Кондаков. За

Баталиным даже был установлен надзор полиции⁴³. Беглецы добрались до Тобольска, остановились там у какого-то бухарца, а ямщики доставили их до деревни Невлево. Несмотря на строгий приказ губернатора, ямщики не посмотрели их документы. Лазаревич и Лебедев назвались жителями Оренбургской губернии, приезжавшими в Нарым для торговли. В Невлево беглецы расстались. Лазаревич поехал Ялуторовск, и его след затерялся, а Лебедев сел в Тюмень на поезд, идущий в Европейскую Россию⁴⁴. Он уже вел подпольную работу, но 25 октября 1888 года был арестован и выслан в Восточную Сибирь⁴⁵.

И. И. Лазаревич благополучно эмигрировал и вошел в окружение П. Л. Лаврова. Вердикто, по его заданию составил для Красного Креста Народной Воли списки политических ссыльных Сибири. Нами выяснено, что хранящиеся в фонде П. Л. Лаврова в ЦГАОР «Записки неуставленного лица о политических ссыльных за 1885—1867 гг.» и «Списки политических ссыльных в Сибири, 80-е гг. XIX в.»⁴⁶ принадлежат имени И. И. Лазаревичу. В конце списков есть приписка, что о других местах ссылки автор получал сведения из писем своих других товарищ, но все по памяти. Лазаревич запрашивал сведения у бывших ссыльных, которые жили в эмиграции⁴⁷.

Еще до побега И. И. Лазаревич и А. И. Лебедев написали губернатору записку, которую их товарищи отослали 15 марта 1888 года: «Видя по отношению к себе полное отрижение всякого права со стороны властей и администрации, проповедь иного и ничем не обузданного произвола, мы более решаем вступить в активную борьбу с негодяями, именующими себя спасителями отечества, чем молча и безропотноlassить на себе мероприятия подобных вам мерзякев»⁴⁸. Это смелое и резкое письмо ставило губернатора в известность, что побег совершен не ради стремления освободиться. Побег был протестом, демонстрацией страстного стремления продолжать борьбу. Ссыльные подчеркивали политический характер своих действий.

³⁹ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1889, д. 93, л. 45—47.

⁴⁰ Там же, д. 90, л. 45, 47.

⁴¹ Там же, оп. 12, 1888, д. 15, л. 27 об.

⁴² Мужчий сургутский столяр и плотник И. Ф. Кайдалов научился мастерству у Л. А. Иванова и строил самые крупные и изукрашенные дома.

⁴³ ДРД. М., 1933, т. 3, вып. I, столб. 214.

⁴⁴ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 90, л. 12—18, 22, 43.

⁴⁵ Там же, л. 63.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 86, 65, 87.

⁴⁷ Там же, оп. 5, д. 87, оп. 4, д. 629.

⁴⁸ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 90, л. 19.

После побега Лебедева и Лазаревича обстановка в Сургуте все более и более накалялась. Оставшиеся в городе знали, что их ожидают новые преследования и издевательства, продление сроков ссылки, тяжелейшие наказания, как только раскроется побег и их протест дойдет до министра внутренних дел.

23 февраля 1888 года начальник тобольского жандармского управления секретно писал губернатору: «Политическиесылные в г. Сургуте в последнее время ведут себя до такой степени дерзко, что по ограниченности личного состава в этом городе чинов общей полиции, является небезопасным дальнейшее помещение на жительство в оный политическихсылных, где они, благодаря и без того значительному их скоплению, совершаю и игнорируют существующий над ними гласный надзор полиции»⁴⁹.

Чтобы как-то оправдаться в глазах министерства, губернатор 11 марта 1888 года сообщал, что в Сургуте слаба полиция: исправник, помощник, секретарь и 30 нижних чинов, тюремного замка нет. Поэтому «поднадзорные ставят сургутскую полицию в большое затруднение»⁵⁰. Через некоторое время и сам сургутский исправник писал губернатору, что «самою главною и основною причиной побега политических административно ссылочных Лазаревича и Лебедева служило явное бессилие сургутской полиции. Слишком малый численный состав чинов и служителей полиции не давал никакой возможности обуздать своееволие ссылочной колонии, а родство... населения Сургута — еще более делали полицию бессильной как в глазах необузденных колонистов, так и своеевольных граждан. Надзор за политическимисылными становился все более и более непосильным»⁵¹.

И на заявление министру внутренних дел ссылочные не получили ответа. 7 марта 1888 года 19 ссылочных еще раз обратились к губернатору.

«В заявлении от 21 декабря прошлого года мы просили Вас обратить внимание на наше положение, и прибавляли, что, действуя пока еще легальными путями, мы тем не менее решились употребить все силы для восстановления наших поруганных прав. Мы ждали более месяца, а Вы продолжали хранить глубокомысленное молчание; мы послали Вам напо-

мимание и, назначив срок для ответа, прибавили, что дальнейшее Ваше молчание будет принято нами за отказ, но Вы остались верны себе и по-прежнему безгласны.

Теперь заявляем Вам категорически следующее: терпение наше истощилось и существовавшая прежде слабая надежда на Вашу, хоть относительную порядочность исчезла. Ваше издевательство над просьбами наших больных товарищев и общее отношение к нам заставляет нас смотреть на Вас, как на негодия, а не как тобольского губернатора,—в силу чего мы отказываемся исполнять все распоряжения, исходящие от Вашего имени, о чем мы уже уведомили г. министра внутренних дел 16 февраля 1888 года»⁵².

Однако отказ исполнять распоряжения губернатора фактически выполнить не удалось. Карательная система наказания в царской России предусматривала предоставление местной власти почти неограниченных прав. Только Н. Л. Зотов, И. М. Соколов и М. П. Орлов дольше всех пытались игнорировать приказы губернатора. Тем не менее, это был первый случай в истории политической ссылки второй половины XIX века, когда поднадзорные открыто заявили о неповиновении.

«После этого, — вспоминал М. П. Орлов, — из Тобольска была прислана экспедиция, которая арестовала нас всех и разослала по два—три человека в самые глухие селения Тобольского края»⁵³.

* * *

Выполнять распоряжения губернатора было поручено березовскому исправнику Пасынкову и надзирателям, которые тайно отирались в Сургут, чтобы произвести массовые обыски, арестовать ссылочных и развезти по 3—4 человека по селам крайнего севера⁵⁴.

Каратели остановились в сургутском полицейском управлении на самом краю города, чтобы их никто не видел. Отсюда Пасынков руководил подготовкой арестов и обысков. Вот как он описывал свои действия: 17 марта в 11 часов вечера было проверено, нет ли у ссылочных собраний, затем 8 приезжих полицейских, сургутский исправник с помощником, 11 местных стражников и трое наемных тут же надзирателей устроили совещание. Пасынков изложил разработанный план действий.

⁴⁹ Там же, д. 15, л. 1.

⁵⁰ Там же, д. 15, л. 32 об.

⁵¹ Там же, д. 90, л. 53.

⁵² ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 23.

⁵³ М. П. Орлов. Воспоминания о Н. Л. Зотове, стр. 25.

⁵⁴ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 26.

Ссыльные жили в 20 домах, и обеспечить одновременный обыск и домашний арест имевшимися силами Пасынков не рискнул. В полицию пригласили городского врача и начальника сургутской местной команды де-Веригуа. Они заявили: «Политические ссыльные крайне озлоблены правительством и полицией, имеют при себе вооружение и без серьезного сопротивления арестовать себя не дадут, да к тому же жители Сургута, состоящие из бывших казаков, так же недовольные правительством за перевод их в мещане, крайне сочувственно относятся к политическим ссыльным и даже четверо политических женаты на дочерях сургутских бывших казаков, почему и имеют между собой тесные связи»⁵⁵.

Ситуация была напряженной. Полиция опасалась вооруженного сопротивления ссыльных и поддержки их местным населением. Стражников и надзирателей было меньше, чем ссыльных. Начальник местной воинской команды, сославшись на устав воинской службы, отказался дать людей для обысков и арестов. Он согласился только патрулировать те улицы, где жили ссыльные, и оказать помощь в случае стрельбы или вооруженного сопротивления. Так как в Сургуте оказалось только 5 подвод, из окрестных деревень было прислано еще 15.

С четырех часов утра следующего дня началась облава. Вначале намечали арестовать Гуревича, Молдавского, Агапова и Дибобеса, «как более дерзких и имеющих влияние на остальных политических ссыльных»⁵⁶. Когда полицейские пришли в квартиру Дибобеса, там находился Вадзинский. Он выломал окно и пытался вместе с хозяином бежать, но их поймали. В полицию Дибобеса доставили босиком, в одной рубашке и без шапки.

Не видя возможности утихомирить сильно возбужденных арестованных и ожидая более решительных действий ссыльных, Пасынков разпорядился ввести в помещение 10 вооруженных солдат.

Сведения из полицейского рапорта дополняются письмом Н. Л. Зотова от 29 апреля 1888 года к бывшему сургутскому ссыльному Н. А. Недошивину: «Дело было так. 17 марта вечером к нам в Сургут прибыл бывший тобольский полицмейстер Пасынков (ныне березовский исправник) с помощником пристава Серых и 8-ю стражниками; цель их появления в богоспасаемом граде оставалась неизвестною до утра. Ут-

⁵⁵ Там же, л. 40.

⁵⁶ Там же, л. 41.

ром же 18 числа на рассвете арестовали 17 [человек] политиков и доставили их в полицию... Это войско явилось поочередно к каждому из 17, хватало и волокло его в полицию, после чего отправлялось к другому. Человек 6 солдат хватают нас с постели и не давши одеться волокут в полицию, а все остальное войско сопровождает. Я успел еще хоть кое-как одеться, а Дибобеса принесли в одном белье и босиком». Заканчивалось письмо описанием ареста Аверкиевых: «Вот еще один из блестательных подвигов губернских делегатов. Аверкиева арестовали на улице, а вслед за сим арестовали Елену Ивановну и притащили ее в полицию, так что в доме никого не осталось кроме Ольги, Любки, Верки, и Сертульки. Что вы на это скажете? Конечно, увидя, что ее притащили, оторвав от ребят, мы подняли в присутствии такой шум, что ее сейчас же отпустили до момента отъезда»⁵⁷.

Позже Пасынков⁵⁸ с возмущением писал губернатору, что сургутский исправник и его помощник потакают ссыльным: вместо того, чтобы приводить их в полицейское управление маленьими партиями, помощник собрал там всех ссыльных. Сделался такой ропот, что Пасынкову пришлось даже кое в чем пойти им навстречу. Он вынужден был по одному отводить ссыльных на квартиры, чтобы они имели возможность собрать к отправке вещи.

Только к 10 утра полиция сумела отправить первую группу (Дибобес, Яковлев, Гуревич, Меримкин). Они уезжали с криками «Да здравствует Народная свобода и Воля»⁵⁹. При прощании и другие ссыльные, которых увозили в течение дня, провозглашали лозунг «Да здравствует Народная Воля!». Разделить арестованных на отдельные части Пасынкову не удалось. В с. Самарово все ссыльные объединились.

Хождение по городу, появление вооруженных солдат, лозунги и крики — все это не могло не привлечь внимания сургутских обывателей. Вот как передавал отношение сургутских жителей, к ссыльным чиновник департамента полиции: «Тобольский губернский прокурор, будучи по делам в Сургуте слышал, что некоторые из местных жителей плакали при прощании с теми ссыльными, которые были выселены из Сур-

⁵⁷ Там же, оп. 12, 1889, д. 5, л. 35—36.

⁵⁸ За осуществление карательной экспедиции и расправу с ссыльными тобольский полицмейстер Пасынков был назначен березовским вооруженным исправником. Участникам экспедиции была объявлена в «Тобольских губернских ведомостях» (1888, № 14) благодарность губернатора.

⁵⁹ ТГРАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, л. 41 об.

гута за крайне дерзкое оскорблениe тобольского губернатора»⁶⁰.

В начале 1888 года губернские власти опасались, что местное население, преимущественно бывшие казаки расформированной сургутской команды, выступят на стороне ссыльных.

Год спустя у Н. А. Блинова при обыске обнаружили письмо С. А. Боуфал, написанное в марте 1888 года. В нем рассказывается о первых днях после расформирования колонии: «Как вас не стало, полиция приняла самый высокий тон — составили протокол по поводу ножа, который был при Броневском в полиции, и страшали, что ему худо будет. Разумеется, что вздор, но все-таки гадко. Стражник приходил ночью (в день вашей отправки) узять, здоровы ли я, какая «трогательная заботливость».

Боуфал доверили получать всю почту увезенных товарищей. Организовать это было трудно. Она жаловалась: «Мне адская мука. Креплюсь как могу... Плохо мне жить одной, не у кого спросить». С. А. Боуфал рассказывала, что получила письма Зотову из Новгорода и Подольска, на имя бежавших Лебедева и Лазаревича. К каждой почте она заготавливала до 20 писем. «Адресов никаких нет, однако, пишу в Березов, Томск, Верхнеленск, Ялуторовск и Обдорск, те адреса знаю неизвестного»⁶¹.

Н. И. Зотов сообщал И. А. Недошивину, что увезли «Гуревича и Молдавского в с. Кушеват, Агапова и Дибобеса — в с. Шеркальское, Вадзинского, Яковлева, Меримкина (жена поехала с ним и сыном, а двухнедельную девочку должна была оставить до весны Колегаевой) и Казакова — в с. Кондинское»⁶², Зотова, Орлова, Соколова — в с. Пелым⁶³, Виталия (Мрачковского), Лесневича, Колегаева — в с. Локосовское, Аверкиевых с детьми, Блинова — в с. Юганск⁶⁴. В Сургуте остались Броневский, Боуфал, Зарембо, Неклепаев, Подревский и Рудинский»⁶⁵.

Из всех переселенных до места назначения доехало только пять человек. Дорогу остальным преградила расputница. Губернатор был вынужден оставить ссыльных в Березово, где

они также встречали негласное сочувствие некоторых полицейских чинов.

Всюду, куда расселяли сургутян, продолжались столкновения с полицией. С. И. Агапов и Я. И. Дибобес в апреле 1888 года пешком ушли в с. Шеркальское⁶⁶, в ноябре И. А. Меримкин кричал надзирателю: «Ты знаешь, какие мы люди, всех моих товарищ извесили, и я той же участи», вскочил на коня и уехал к Аверкиевым в Кондинское⁶⁷.

Протестующих поддерживали ссыльные других мест, когда нужно было продемонстрировать перед властями единодушие.

В селе Кушеват Березовского округа Н. А. Блинов, С. М. Леонович и В. А. Померанцев помогали местным жителям, когда в 1888 году старшина и ниородцы единогласно заявили о своем протесте при назначении писарем Куноватской инородческой управы, известного своим взяточничеством, дикой грубостью и лихонимством. А Померанцев сообщил об этой истории в Березове и в газете «Восточное обозрение»⁶⁸.

Когда все уже были расселены по деревенькам, из министерства внутренних дел пришло распоряжение о том, что необходимо возбудить против ссыльных уголовное дело. Началась новая полоса преследований: людей хватали, и, так как в селах, где они теперь жили, не было тюрем, их перевозили в южные города губерний в остроги. Зотова, Соколова и Орлова, не довезя до Пелыма, задержали в Турийске и посадили в тюрьму. В письме к Недошивину Зотов высказывал предложение, что и остальных схватят, как только кончится распутица. Так и вышло.

В конце мая 1888 года в села Кондинское и Локосовское отиралились жандармы, где обнаружили более 40 писем и запрещенные издания⁶⁹. В Юганском у Аверкиевых также нашли множество писем, фотографий и вырезок из газет.

Часть арестованных на севере должны были провести через Сургут, где было много их родственников и друзей. Ос-

⁶⁰ Там же, оп. 12, 1887, д. 58, л. 72. В Советской исторической энциклопедии об Агапове сказано: «В 1885—1888 жил в Зап. Сибири (Сургут). Дальнейшая судьба неизвестна» (т. I, М., 1961, стб. 155). По сведениям Тобольского губернского управления, Агапов поехал с Юганского в 1889 году жил в с. Тундрийском, 24 августа т. г. переведен в Сургут, в 1891 — в Курган, где 16 июня 1892 году принесен в мещане (ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1889, д. 93). В 1893 году подтверждалось запрещение ему жить в столицах (ЦГАОР, ф. 63, оп. 7, д. 26, л. 1 об.).

⁶¹ ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1886, д. 7, л. 110—111.

⁶² Там же, оп. 11, 1885, д. 21, л. 31, 34.

⁶³ Там же, оп. 12, 1888, д. 15, л. 150.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. 102, 5-е д-во, 1888, д. 7765, л. 320 об.

⁶⁵ Там же, 3-е д-во, 1887, д. 896, л. 2—3.

⁶⁶ Березовский округ.

⁶⁷ Турийский округ.

⁶⁸ Сургутский округ.

⁶⁹ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1889, д. 5, л. 35—36.

тавшиеся в городе ссыльные несколько дней дежурили на пристани в ожидании товарищей. Чтобы избежать нежелательных связей, исправник решил перевозимых ссыльных оставить не в Сургуте, а на Белоярской пристани в нескольких верстах от города. Ссыльных усиленно охраняли. Жены и родственники отправились туда, но были силой возвращены, встречи не состоялись⁷⁰.

За оставшимися в Сургуте ссыльными тоже усилили наблюдение. 20 июля 1888 года в Сургуте у семерых (С. Боуфал, А. Петровский, Л. Рудницкий, П. Зарембо, А. Броневский и прибывший в мае 1888 года Ч. Струмилл-Петранович) были произведены обыски.

«Урожай» был немалый, особенно у С. А. Боуфала. В Сургуте нашли письма от родственников и ссыльных напольском и русском языках, кошко письма каторжника, пришедшего в Кару в 1880 году, тетрадь с описанием разных случаев столкновений политических ссыльных с административными властями, стихотворения, сведения о движении арестантских партий, ручной типографский станок и набор типографских букв. Адресов бежавших не обнаружили⁷¹.

Письма из Сургута искали во многих местах, в том числе в Архангельске у Недошивина, С. Лесневич, из с. Кушевата 18 декабря 1888 года писал И. И. Некленееву в Сургут: «В ноябре у Блинова был обыск—искали недошивинских писем. Орловой предъявили карточку Н[едошивин]а для удостоверения личности. Что Н[едошивин] арестован — это факт, не подлежащий никакому сомнению. В ноябре же жену допрашивали в качестве свидетельницы... Да у Блинова] при обыске ничего не нашли»⁷².

Летние обыски в Сургуте и северных деревнях убедили полицию, что ссыльные продолжают борьбу и стремятся как можно шире оновестить мир политической ссылки и революционное подполье о варварстве власти. 27 июня 1888 года начальник тобольского жандармского управления секретно извещал губернатора, что «все группы ссыльных в Сибири ведут только между собою корреспонденцию, но имеют обширные сношения со своими единомышленниками и лицами, предававшимися преступной политической деятельности, находящимися в пределах всей Европейской России». Чтобы обнаружить антиправительственную деятельность и состав ре-

⁷⁰ Там же, л. 110.

⁷¹ Там же, л. 187, 176.

⁷² ТФГАТО, ф. 179, оп. 2, д. 30.

ююционного подполья Европейской России, он просил привести одновременный обыск у всех политических ссыльных Тобольской губернии⁷³. Однако, такого количества исполнителей для осуществления плана не нашлось.

В это время Орлова, Соколова и Зотова продолжали держать в тюремной тюрьме, Аверкиевых и Лесневича — в тарской, Блинова, Колегасова и Мрачковского — в курганской⁷⁴, остальных на севере.

Наконец, министерство внутренних дел распорядилось И. Лазаревича (после понимки), М. Гуревича, А. Вадинского, В. Яковлева, А. Молдавского, Я. Дибобеса выслать в Якутскую область с увеличением ссылки на два года, а остальных разослать по селам: И. Блинова в с. Юганское, С. Лесневича — в с. Шеркальское с продлением срока ссылки на один год, В. Казакова и Я. Меримкина — в с. Кондинское, А. Лебедева — в с. Кушеват Березовского округа, П. Орлова, И. Соколова и Н. Зотова — в с. Пелымское Тюринского округа, Л. Колегасова, В. Мрачковского — в с. Локосовское, Аверкиевых — в с. Юганское Сургутского округа. Броневского оставили в Сургуте, так как срок его ссылки вскоре кончался⁷⁵. Начались новые переселения с юга на север.

Как указывалось выше, троих защитников сургутской истории Зотова, Орлова и Соколова выслали в Пелым, но распутница задержала их в Тюрике. Там их посадили в тюрьму. Местный исправник, более чем неумелый человек, скрыл от нее,—вспоминал М. П. Соколов, что это распоряжение министра и обещала, что мы арестованы по распоряжению губернатора⁷⁶. Поэтому трое арестантов в Тюрике продолжали протестовать.

Содержали их в тюрьме очень строго: не давали писем, почты, не разрешали свиданий, а на ночь запирали в одиночках. Несколько дней подряд заключенные не хотели возвращаться в камеры за ночь, требуя оставить двери открытыми и разрешить выход в коридор. В камеры их вносили.

Местные ссыльные Тюрика добивались свиданий с арестованными. За энергичные попытки поговорить с заключен-

⁷³ Там же, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 505—506.

⁷⁴ В. Я. Мрачковский просил разрешения следовать за ним жены и детьми, так как у них не было средств и они ожидали третьего ребенка. (Там же, д. 192), 15 июня 1888 года в Курганской тюрьме у них родился сын Сергей. (Там же, д. 16, л. 1), впоследствии основавший Тобольск от колонистов.

⁷⁵ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 194.

⁷⁶ М. П. Орлов. Воспоминания о Н. А. Зотове, стр. 257.

ным туринский ссыльный К. Стерн попал в тюрьму и позже был выслан на новое место.

Заключенным все же удалось кое-чего добиться. М. П. Орлов писал: «Сидя в туринской тюрьме, мы имели с туринскими товарищами деятельное общение, главным образом, благодаря одному из них, рабочему, если не ошибаюсь, мозгом Ильинского завода Першину, который умудрился пойти на свидания, как будто к нему, а на самом деле к нам»⁷⁷.

По-видимому, этой же оказией воспользовался Зотов и послал в Архангельск упоминавшееся письмо П. А. Недошиту: «Пишу вам неофициальным путем, а потому многое пишать не приходится... Прежде чем нас заточили сюда, мы успели все же повидаться с туринцами. Они всячески о нас заботятся и нелегальными путями доставляют нам всякие удобства, свидания и сношения»⁷⁸.

Когда в июле 1888 года у туринского ссыльного Е. П. Дзбановского произвели обыск, то обнаружили письма М. П. Орлову из Березова от ссыльных Фролова и Флорона и от бежавшего И. И. Лазаревича. В последнем имелась фраза: «Из Сибири народ бежит, а в России уныние страшное»⁷⁹.

Туринский исправник был обеспокоен напряженной обстановкой в городе в связи с приездом Орлова, Соколова и Зотова. 13 июля 1888 года он телеграфировал, что местные политические собрались у переправы и тюрьмы, чтобы проводить отиравляемых в Пельм Орлова, Соколова и Зотова, и запрашивал: «Ввиду могущего произойти беспорядка при недостаточности стражи испрашиваю разрешения... призвать войска»⁸⁰. Губернатор дал согласие, но требовал принять меры по предотвращению нежелательных столкновений⁸¹. На другой день исправник вывез бывших сургутских ссыльных другой дорогой.

⁷⁷ Там же, стр. 262.

⁷⁸ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1889, д. 5, л. 35—36.

⁷⁹ Г. Лурье. Еще о «Иркутске политической ссылки» и о предыстории 1889 года—ж. «Каторга и ссылка», 1939, № 3, стр. 143. Эта фраза дала повод в обращении туринцев к политическим ссыльным «Братия-товарищам» провести мысль, что наиболее радикальная часть революционеров находится в ссылке и при наличии организации ссыльных «ее влияние на волю, ныне растерявшуюся и утомленную—несомненно» (Проект протеста русской политической ссылки в 1888 году—стр. 206).

⁸⁰ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 250.

⁸¹ Там же, д. 28, л. 59.

В Пельме они пронесли 3 месяца, а затем их выслали в Якутию. Но путь на восток на стенах тюменской тюрьмы они оставили падину, куда следуют. После них в эту же камеру ташал С. Мельников и сообщил об этом ссыльным Тобольской губернии⁸². В дороге Зотов продолжал тактику «оскаленных зубов», как говорили современники. На переправе через р. Яю в с. Ишим Томской губернии за пререкания с конвойным начальником ему надели наручники, затем поместили в карцер⁸³.

Сургутские события повлекли за собой новые репрессии, в том числе и жесткий просмотр корреспонденции ссыльных⁸⁴. Вскоре выяснилось, что ссыльные переписывались при помощи жены В. Я. Мрачковского, жившего в Березове⁸⁵. Затем посредником стала жена Колегаева (окончила институт новизанных бабок). Она держала в руках переписку С. Сычнико, А. Гольденберга, С. Лесневича, В. Мрачковского и других. Ей шли письма из Барнаула, Тифлиса, Ейска, Могилева, Саратова, Томска, Тары, Твери, Бийска, Петропавловска Акмолинской области, Богословского завода Пермской губернии⁸⁶.

С первых дней навигации, чтобы поставить в известность ссыльных Сибири о преступлениях властей, родственники и друзья увезенных сургутян стали выходить на пристань и рассказывать проезжающим о событиях в Сургуте весной 1888 года. В воспоминаниях С. А. Никонова рассказывается, что в 1888 году, когда его везли в Минусинск, «на остановке в Сургуте на пристань вышли к пароходу несколько местных администрации ссыльных, они рассказали нам кое-какие подробности о разыгравшейся незадолго перед этим так называемой «сургутской истории»⁸⁷.

Когда начались преследования, политические старались не попадаться на глаза на пристани. По словам сургутского исправника, они «носят на глазах агента, не состоящего под глазами надзором полиции»⁸⁸.

⁸² Там же, д. 5, л. 6.

⁸³ Государственный архив Томской области, ф. 3, оп. 55, д. 38, л. 13—15. Этот случай отражен в воспоминаниях М. Н. Орлова и А. С. Гуревича—ж. «Каторга и ссылка», 1929, № 4, стр. 171.

⁸⁴ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 76.

⁸⁵ Л. П. Рощинская. Члены южноуральского союза рабочих... д. 158.

⁸⁶ ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1886, д. 23, л. 11, 13.

⁸⁷ ЦГАДН, ф. 1337, оп. 1, д. 160, л. 159.

⁸⁸ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 139.

Уже весной и летом 1888 года о сургутской истории знали в Нижнем Новгороде, Архангельске, Саратове, Тифлисе, во всех сибирских колониях и даже за границей.

В Тифлис первые известия дошли уже в начале апреля 1888 года. Там сконцентрировалось 20 бывших ссыльных Западной Сибири, в том числе сургутский ссыльный А. А. Семенов, который писал, что «вся здешняя колония «бывших» взволнована вестью о погроме и с интересом ожидает подробностей»⁸⁹.

12 мая 1888 года М. Ослопова-Сыцянко получила в Обдорске письмо из Нижнего Новгорода от Недошивина с просьбой собрать материалы о сургутской расправе, передать привет сургутянам и сообщить другие сибирские новости. В тот же день Недошивин написал и И. А. Френкелю в Березов с аналогичными вопросами⁹⁰. В июле 1888 г. при обыске женщины священника Тарского округа Ф. П. Капацинской, которая собиралась выехать из Тобольска в Омск, нашли копию протеста сургутских ссыльных на имя министра внутренних дел⁹¹.

Коллективное заявление пошло к С. М. Степняку-Кравчинскому в Лондон. Он, в свою очередь, переслал его в Америку демократически настроенному журналисту, который изучал политическую ссылку в России, Дж. Кейпману. В письме Степняку от 15 октября 1888 года Кейпман благодарил за это и писал: «Я использовал письмо, как вы увидите, в статье «Жизнь административных ссыльных». Она появится в «Сенчури» в январе, и я намерен опубликовать его потом здесь целиком. Не можете ли вы прислать мне копию русского оригинала? Я смог бы сделать более законченный и выразительный перевод, имея под рукой русский текст. Не знаете ли вы какое место «перевели» 19 сургутских ссыльных? Я видел заметку о их «переводе» в томской «Сибирской газете», но, очевидно цензура не разрешила сообщить, куда их перевез-

ли. Полагаю, что в Березов, Туруханск или Якутскую область»⁹².

Действительно, в книге «Сибирь и ссылка» Кейпман изложил суть протеста сургутян, но в его распоряжении так и не оказалось подробных материалов, поэтому он очень кратко остановился на сургутской истории⁹³.

Отношение ссыльных к сургутской истории было противоречивым. С. Лесневич писал Некленеву 18 декабря 1888 года: «А что насчет того, как отнеслись к сургутскому протесту ссыльные других городов — могу сказать только то, что везде выходило как-то так, что большинство было против, а меньшинство — за»⁹⁴.

Самый ранний отзыв о событиях в Сургуте принадлежит тобольскому ссыльному. После рассказа о притеснениях тобольской администрации в письме говорится: «2-е русских ссыльных сумели надуть стражу и окрылись успешн. Если б везде так можно было ответить варварству власти!»⁹⁵. А. А. Семенов из Тифлиса называл В. Ф. Казакова мотылем «славного прошлого Сургута» и выражал уверенность, что он передаст новым ссыльным «в наследие градинки нашего прошлого»⁹⁶.

Одобрila события в Сургуте член партии Народная Воля А. П. Похитонова. «Скажу Вам одно, что протест Ваш, как наиболее радикальный и целесообразный, сильно обрадовал меня», — писала она А. Т. Вадзинскому. Далее Похитонова проиндицировала сообщить список колонии и указать, кто не присоединился к протесту⁹⁷. Судя по тому, что письмо прислано в тобольскую тюрьму, где находился Вадзинский, в Восточной Сибири уже хорошо знали о последствиях протеста.

Однако были слышны и отрицательные отзывы. 20 мая 1888 года С. А. Жебунов писал из Ялуторовска в Березов

⁸⁹ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции. М., 1968, стр. 229. В примечании к этому письму ошибочно сказано, что после протеста 17 человек были переведены в Курган, и на Карагану (стр. 414).

⁹⁰ Дж. Кейпман. Сибирь и ссылка. М., 1906, стр. 144—145. В американском перевадении упомянуто, что протест дан в приложении С. Кейпмана, но он отсутствует. См. д. Кейпман. Siberia and the exile system. N.-J. Russle, 1970.

⁹¹ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1889, д. 5, л. 1 об., ф. 478, оп. 2,

л. 20; Л. А. Ушакова. Указ. соч., стр. 102.

⁹² ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д. 86, л. 10.

⁹³ ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1885, д. 21, л. 87а.

⁹⁴ ТФГАТО, оп. 12, 1888, д. 6, л. 160. Л. А. Ушакова только предполагает, что автор письма — Похитонова.

⁹¹ Там же, оп. 11, 1885, д. 21, л. 87а. А. А. Семенов, по его словам, уроженец или Тюмень или Пермской губернии. За пропаганду среди учащихся Петербурга и Тифлиса сослан в 1884 году в Сургут на три года. После ссылки вернулся в Тифлис (Там же, оп. 10, 1884, д. 68, л. 1, 33).

⁹² Там же, оп. 12, 1888, д. 6, л. 111, 112 И. А. Френкель составил в делу «Общественного совета». Так как в марте 1887 года его призвали на военную службу и он покинул Березов, письмо Недошивина и было обнаружено (там же, оп. 11, 1885, д. 5).

⁹³ ДРД. т. 3, вып. IV, гранчи.

Флерову, Молдавскому и Ник. Гомолинкому, о своем отношении к протесту. Он выразил неодобрение их действий, считая их растратой сил, называя фанатиками, и предупреждал, что в борьбе необходим расчет. Понимая, что высказанные мысли могут прийтись не по вкусу сургутянам, Жебутев прошу не сердиться за откровенность⁹⁸.

В цитированном письме С. А. Буфал к Н. А. Блинову она сообщила, что на ее адрес пришло письмо Зотову, «где не одобряют дела, так как оно платоническое, способное удовлетворить оскорбленное правительство чувство, но практических выгод не получится никаких, а поведет протестантов к серьезным последствиям... Опыт протesta мог научить. опыт имел бы смысл, если бы был поддержан другими городами и т. д.»⁹⁹. Уже в этом письме чувствуется беспокойство за судьбу сургутян и всей ссылки и выдвигается идея поддержать протест.

Как круги по воде, прокатилась волна протестов по Тобольской губернии. Ссыльные Березова писали министру внутренних дел о притеснениях нового исправника Пасынкова, который раньше возглавлял карательную экспедицию в Сургут. Выше уже говорилось, что во многих местах, куда поселили сургутских ссыльных, также произошли столкновения с полицией.

Ишимский ссыльный сообщал в 1889 году друзьям, что только «в Тюкалинске у наших товарищих никаких столкновений с полицией не было». Но в этом же письме, между прочим, сказано, что несколько ссыльных перемещены в другие места «за слишкомый протест по поводу сургутской истории»¹⁰⁰.

29 мая 1888 года березовский исправник Пасынков доложил губернатору, что запрещение ссыльным не выходить за городскую черту они не выполняют, «восстают против ежедневного пресечения их стражниками». Им обнаружено письмо А. Гольденберга к Меримкину, в котором сообщалось о том, что живущие в Обдорске надзиратели не желают подчиняться требованиям полиции¹⁰¹.

⁹⁸ Та же, л. 149. Более подробно см. Л. А. Ушакова. Указ. соч. стр. 101.

⁹⁹ ЦГАОР. ф. 102. 3-е д-во. д. 895. л. 3 об.

¹⁰⁰ ТФБАТО. ф. 152, оп. 12. 1889. л. 4. л. 74.

¹⁰¹ Там же, оп. 12. 1888. д. 15. л. 648—651. Автор письма А. Гольденберг был арестован по делу харьковских кружков в 1884 году и выслан в Тюкалинск, был перенесен в Обдорск. В марте 1888 года подписал коллективное заявление о бездействии тобольского губернатора (ДРД. т. III, вып. II, столб. 860—861).

Письмо настолько интересно, что его следует привести почти полностью. Датировано оно 19 мая 1888 года. «Позвольте высказать свой взгляд по поводу вашей сургутской истории и всех историй в смысле вообще, которые за последнее время, благодаря своей многочисленности обращают на себя невольное внимание.

Тебе, вероятно, известно, что в прошлом году, когда мы были в Тюмене, в нашей партии также произошла история, мы хотели, чтобы нас взяли не этапом, а на тройках без дневок; большинство стояло за борьбу до конца «до пути» и «до щыка» включительно; я был старостой и не знаю как, успел склонить на свою сторону и убедить самых упрямых. Но и тут я должен был идти на компромисс: я согласился на протест, но доводить его до конца я не хотел: по-моему, наш протест должен был закончиться там, где начинался, а с другой стороны физическая сила и насилие, хотя один из товарищей, который, кстати сказать, был со мной в хороших отношениях, и назвал меня не то шутя, не то серьезно трусом, но остальные видели, что не трусость мной руководила. А что же? Тут шла борьба о своих собственных, личных удобствах — хотя в законных, но все-таки личных, поэтому мы не должны доподлинно до крайности такой борьбы, а еще лучше и совсем не начинать ее. Это раз, во-вторых, с кем ведется эта борьба? С какими-нибудь хамами, стражниками, исправниками и губернаторами, я понимаю ясно этот протест (чисто личный) достиг бы результатов, а то мы все знаем, что результаты, если и будут, то как раз противоположные. В конце концов, выходит следующее и грустное и еще более смешное положение: я в ссылке добываюсь от начальства и требую, чтоб мою личную жизнь устроили получше, а начальство в ответ на это бьет по морде, может быть, я выражаясь резко, но в сущности это верно.

Все протесты в ссылке носят личный характер, все ссыльные, если протестуют, то неизменно против условий, стесняющих их личную — и ничуть больше — жизнь; ты скажешь: «Наша жизнь твоих товарищ», но ведь это то же самое: протест этот не есть протест за идею, отнимающую не столько тебя в твоих товарищах, сколько «всех» — и всех остальных.

Вот почему я не симпатизирую подобной борьбе в ссылке. В курьезные положения она ставит всегда — тебе, вероятно, уже известно, что ваша сургутская история заставила нас подать тоже заявление министру, кстати сказать, если бы вы не засилили так далеко в своем протесте, если бы он не кончился так серьезно, я бы никогда не согласился на протест; но ме-

ри, принятые против вас (крутые) принудили меня отказать
ся на время от своего взгляда и даже наставлять на необхо-
димости подать министру.

Но вот губернатор принимает меры и против нас (видно,
что на него налику начали): пристали к нам двух надзира-
телей, нельзя, де, отлучаться за четру и пр. Под бумагой гу-
бернатора, запрещающей отлучки, которых мы и не делали,
мы подписались: не согласны исполнить, а стражников отка-
зались принимать: заявив это нашему начальству. Мы проси-
ли стражников не ходить, а то де выйдет скандал, на нашу
беду стражники народ хороший, симпатичные парни. И вот
язык не поворачивается сказать — «пошел вон», а говоришь
ему: «Пойдите и скажите заседателю, что мы вас выгнали».
Скажите, что у нас двери заперты». Сам заседатель у нас
тоже человек хороший и вовсе не желающий с нами ссорить-
ся и нам прямо приходится заявлять, что они составили
протокол, что мы, де, стражников выгнали — не правда ли,
смешно?

А ведь приходится это делать, так как желаем показать —
после сургутской истории — губернатору, что он скотина и
мы, де, скотам уступать не желаем. В скором времени к нам
будет, говорят неправник, утихим, а тут старый стражник,
отстраненный от нас, пишет на нас доносы заседателю, что
мы, де, ходим на охоту, что у нас имеются ружья, на это за-
седатель хотел смотреть сквозь пальцы, — вот доносы пода-
ются письменно — вот поди ж ты!

Глупо как-то все это! Развыгрывать такую комедию и за-
мому противнико становитесь...»¹⁰².

Из письма А. Гольденберга видно, что острую борьбу
поддерживали по идеям соображениям далеко не все. Видно, большинство действовало из солидарности с товариша-
ми, а не по убеждению. Эта непоследовательность — часть
ссылочных, негативное отношение к протестам можно расце-
шь как один из первых симптомов либерального народничес-
тва. Сибирский исследователь В. М. Андреев верно считает,
что отказ от решительных действий в борьбе с царизмом,
мирное урегулирование спорных вопросов в период протестов —
как раз отражает появление в сибирской ссылке либераль-
ного народничества¹⁰³.

¹⁰² ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15., л. 652а—6526. Опись
не упоминает Л. А. Ушакова. Указ. соч., стр. 102.

¹⁰³ В. М. Андреев. Революционеры-народники в Восточно-Сибир-
ской ссылке. Иркутск, 1971, канд. дисс., стр. 113.

Это совпадает с нашим мнением. Выше отмечалось нега-
тивное отношение к протесту С. А. Жебуцева. Это отрица-
ние, на наш взгляд, не является следствием мирных пропага-
дистских взглядов Жебуцева, которые он проповедывал
с 70-х годов¹⁰⁴. В 1887 году Жебуцев, по показаниям члена
тобольского народнического кружка, «ноющия террористиче-
ское направление», говорил, что он как подвалорный сель-
ский в открытой деятельности принять участие не может.
9 февраля 1889 года Жебуцев в прошении об освобождении
из тюрьмы писал: «Я убежден, что не будь преследований, на-
ши «ноходы» в народ окончились бы полнейшим разочаро-
ванием, а с другой стороны заставило бы нас действительно
работать над культурой Русского государства... В момент
ареста в прошлом году мои мысли были очень далеки от рус-
ской революции, в которую я давно потерял веру». 1 июня 1889 года он сетовал, что был арестован, когда стал заду-
мываться над неизбежностью революции¹⁰⁵.

Следовательно, в результате многолетних испытаний
взгляды С. А. Жебуцева эволюционировали вправо, и сургут-
скую историю он оценивал уже с позиций либерального на-
родника.

Хотя первое впечатление сургутян было таково, что боль-
шинство ссылочных народников критиковало их, на самом деле
всюма аналогичных протестов, многочисленные заявления ме-
стной администрации и в министерство внутренних дел, кон-
фликтов и волнений ссылочных во многих местах Сибири до-
оказали, что ссылочные восприняли методы сургутян.

Идея коллективных протестов получила поддержку и сре-
ди ссылочных Европейской России. В 1889 году из г. Нолинска
Вятской губернии был переведен в сибирскую ссылку наро-
доволец В. И. Маноиков за агитацию ссылочных к подаче кол-
лективных заявлений¹⁰⁶.

По воспоминаниям народоволки А. Зароастровой-Кан-
гер¹⁰⁷, высланные из Сургута политики-протестанты, в том

¹⁰⁴ Л. А. Ушакова. Указ. соч., стр. 101.

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 102, 7-е ч-во, 1888, д. 64, л. 71, 138, 225.

¹⁰⁶ ЦГА Каз. СССР, ф. 64, оп. 1, л. 5339, л. 8.

¹⁰⁷ Участница народнических кружков А. А. Зароастровой (по
мужу Кангер) выслана в 1887 году в Степное генерал-губернатор-
ство, жила в г. Павлодаре и Семипалатинске, в январе 1888 года
получила разрешение переехать в Якутию для замужества. После
ссылки в 1895 году несколько дней жила в Тюмени (ЦГИА, ф. 1405,
оп. 86, 1885, д. 10895, л. 141—142; ЦГА Каз. СССР, ф. 15, оп. 2,
д. 181, ТФГАТО, ф. 152, оп. 11, 1887, д. 46, оп. 15, 1895, д. 14).

числе будущий вдохновитель Якутского выступления Н. Зотов, рассуждал, что принятая за последнее время правительством система по отношению к ссыльным несит определенный порядок удушения политической ссылки и что ссылка нельзя не реабилитировать на эту систему.¹⁰⁸

Убежденность в правоте своих действий и привела Н. Зотова и М. П. Орлова в число активных участников Якутской трагедии 1889 года, когда 30 политических ссыльных оказали вооруженное сопротивление при отправке в северный округ. Всех оставшихся в живых ссыльных предали военному суду. Троє, в том числе Зотов были приговорены к смертной казни. В предсмертном письме М. П. Орлову Зотов писал: «Употребите все свои силы и под впечатлением свежей фиала этих ужасов, этой бойни, этой резни — эксплуатируйте всеми способами и всеобщими усилиями эту драму, этот колосальный пример жестокости, самоуправства, бесчеловечности русского деспотизма и его системы!... Пинните во все щели нашей матушки и мачехи, и затрахну и Кенина и всяких. Над этим стоит поработать. Это единственное, что мы можем окупить потери этой расправы... каждый из нас делает то же самое. О более широких своих пониманиях не говорю... Вы их знаете. «Не прощать никого... и пр.»¹⁰⁹. ..Непременно, дорогой Михаил Петрович, напишите Молдавскому, Вадзинскому и всем сургутянам. Аверченевых расцелуйте подробностях, т. е. и «пожарных», и всех. Фролову, Бородину... — всем пошлите мои братские приветы. Как у меня дурна голова, но я сейчас всех помню, всех дорогих товарищей, всех бы хотел обнять»¹¹⁰.

Н. Л. Зотов (1862—1889), подводя итог своей короткой жизни, возвращался к сургутской истории, тем самым считая, что в 1888 году он и его друзья поступили правильно. Его пожелание рекламировать тяжелое положение ссыльных можно понять расширятельно как необходимость много говорить о героической самоотверженной борьбе ссыльных в Сибири.

1929 А. Зороастрова-Кашпер. По-поводу... — Ж. «Каторга и ссылка» № 4, стр. 114.

³² Орлов из стихотворения «После казни 4 ноября» («Нарвская волна», № 4): «Не прощать никого, не щадить ничего! Смерти! Кровь за кровь! Месть за казнь!».

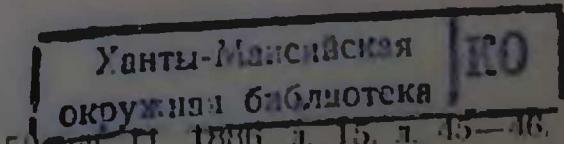
Якутская трагедия», М., 1925, стр. 80. Оригинал письма
Одес. ф. 282, д. 387, л. 185—186.

Якутская драма вызвала многочисленные отклики сочувствия, горестного сожаления о безвременно ушедших товарищах, проявлений перед их самоожертвованием. Так как сургутские волны были предысторией якутской бойни, то интересно оковать призму отзывов на события в Якутске выявление отношения народнической ссыльки к подобным чрезвычайным происшествиям.

5 мая 1889 года курганский ссылочный М. Я. Шварцман получил письмо из Балаганска с описанием Якутской бомбы и призывом распространять о ней точные сведения и собирать деньги в пользу арестованных ^{III}.

В августе 1889 года И. И. Некленеву пришли из Петровского Акмолинской области о приговоре военного суда над участниками якутского сопротивления — все это так русично, так тяжело... В Восточной Сибири предполагалось подать и может быть уже и подан протест «правительству» по поводу Якутской истории, и я видел и читал две редакции этого протеста. Но я не знаю, какие же результаты будет иметь этот протест «правительству»?»¹¹². В данном случае всплыла вопрос о целесообразности протестов, как метода борьбы ссыльных народников.

Болью и страданием дышат заявления министру внутренних дел от политических ссыльных Зайсанского поста Семипалатинской области Н. Э. Ватсона и А. Худыковского. Только в марте 1890 года они узнали о кровавой расправе в Якутске в Карибской тюрьме. В тот же день, возмущенные и разгневанные злодействиями царизма, они написали свои заявления. Ватсон писал, что подобных жестокостей мир не знал со временем террора французской республики. «Чувствуя себя безусловно солидарными с теми из товарищей, которые погибли или находятся в настоящее время на каторге», они заявили свое безусловное порицание образа действия министерства внутренних дел и правительства и просяли довести до сведения императора, что ради горячо любимой родины более не будут склонны созерцать возмутительные безобразия. «Я, наподписаннийся, — закончил Ватсон, — протестую против нарушения министерством... Законов чести, совести и справедливости, выражаясь в так называемых Якутской и Карибской петориях... Я заявляю, что, конечно, первым под-

шил бы оружие в подобном случае, чтобы защитить себя и товарищей от этой орды»¹¹³.

Ссыльные Западной Сибири обсуждали вопрос об увековечении памяти жертв якутской трагедии. Кокчетавский ссыльный Чумаевский в июле 1891 года писал в Якутск: «Будем поминать и читать память страдальцев нашими делами и жизнью, а воспоминаниями о них возбуждать настоящительность движения к достижению их идеалов»¹¹⁴.

Ч. М. Струмила-Петрашкевич получил из Благовещенска от А. Милюсавского и И. Гусева из Каракалы Акмолинской области сообщения о приговоре военного суда после Якутского протеста, а из Иркутска описание событий на Каре: «Неужели пробовое молчание будет ответом на эти еще небывалые страшные события? Неужели кровь и страдания таких чистых, светлых, редких душ, как Сирода, останутся неотомленными? Неужели и после этого мы будем продолжать писание изорионокаянных исповедей и припадать к столам?»¹¹⁵.

Вывезенные в Восточную Сибирь сургутяне проявили себя людьми, не сложившими оружия. В апреле 1889 года, в столетнюю годовщину Великой французской революции, политические ссыльные Виллойска, в том числе пять бывших сургутских ссыльных А. Молдавский, В. Яковлев, М. Гуревич, А. Вадзинский, Я. Дибобес подписали коллективный адрес французскому правительству в связи с этим юбилеем: «Семипалатинский ссыльный народоволец П. Ф. Лопатин писал своим товарищам в Петропавловск об их намерении¹¹⁶. Революционная Франция, героическая борьба французского народа за свое освобождение, служима русским революционерам ярким примером в стремлении к свободе.

Несмотря на то, что среди ссыльных были, как видим, разногласия в оценке сургутской истории, они довольно дружно поддержали сургутян. Это в какой-то мере подействовало.

¹¹³ Там же, ф. 64, оп. 1, л. 5369, л. 13—15, 18. В. Галиев. Сподвижники А. Ульянова в Казахстане—газ. «Вечерняя Алма-Ата», 1969, 29 сентября. Н. Э. Ватсон был осужден к 8 мес. тюрьмы, а А. И. Лудыковский — к 6, затем их выслали в отдаленные районы Сибири с продлением ссылки на 5 и 4 года (ЦГИЛ, ф. 1405, оп. 91, д. 10769, л. 1, оп. 521, д. 433, л. 177, 470).

¹¹⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 369, оп. 1, д. 519, л. 55. В июле 1889 года он писал И. Муханову, не зная, что тот убит в Якутске.

¹¹⁵ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1887, д. 44, л. 23—26. «История Сибири», т. 3, стр. 127.

¹¹⁶ ЦГИО, ф. 1405, оп. 92, д. 10851, л. 5, 10.

¹¹⁷ ЦГА Каз. ССР, ф. 369, оп. 1, д. 5366, л. 12, об. ЦГИЛ, ф. 1405, оп. 90, д. 10860, л. 8 об., д. 10834, л. 2.

В апреле 1888 года департамент полиции командировал Сибирь чиновников для расследования условий жизни политических ссыльных. Чиновники должны были вынудить политических ссыльных, что никаких изменений и облегчений не следует, если ссыльные будут продолжать пользоваться методами протестов¹¹⁸, и в отчете о поздже не без оснований писали: «В некоторых местностях, в особенности в Тобольской губернии, окружные власти буквально запуганы ссыльными. Они поглощены одною мыслью, как бы ссыльные небежали, потому что обыкновенным последствием побега бывает перемещение или увольнение исправника, а воспрепятствовать побегам они не в силах»¹¹⁹.

Улучшения, в конечном итоге, были незначительными, но же появились. Заведующий полицией писал министру внутренних дел Игнатьеву, что ссыльные часто просят разрешить им отлучки за город и что он не видит причин отказывать в просьбе¹²⁰. По первому требованию заболевших ссыльных помещали в больницы¹²¹.

Таким образом, суть сургутской истории состояла в том, что ссыльные отказались выполнять распоряжения представителей власти и выступили с протестом против произвола царских чиновников. Это, безусловно, был первый случай, когда ссыльным удалось размежеваться протест на тектографе. В документе чувствуется сильное влияние «Письма Неподдельного Комитета Народной Воли Александру III» 1881 год).

Дважды в 1888 году были заготовлены воинские команды для давления ожидавшимся властями выступлений ссыльных: в Аргуте при расформировании колонии и в Турунске, когда арестованы Зотова, Орлова и Соколова. Протесты и бурные выступления ссыльных оказались настолько заразительны, что летом того же года акмолинский губернатор отмечал крайне беспокойное настроение высываемых лиц и требовательность с их стороны невозможного¹²². Следовательно, сургутская история явилась в концептуализированном виде отражением настроений политической ссыльки. В конце 1888 года Тобольский губернатор просил министерство задержать «при-

¹¹⁸ ЦГАОР, ф. 102, 5-е д-во, 1888, д. 7765, л. 1—4.

¹¹⁹ Там же, л. 227.

¹²⁰ ЦГАОР, ф. 102, 5-е д-во, 1889, д. 7746, л. 5.

¹²¹ ТФГАТО, ф. 479, оп. 2, д. 20.

¹²² ЦГА Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 5332, л. 28 об.

сылку в Тобольскую губернию новых ссыльных, так как из них будут дурно влиять уже живущие там преступники¹²³.

Эта волна протестов прокатилась дальше на восток и закончилась трагедиями в Якутске, где участвовали бывшие сургутские ссыльные, и на Каре. Эти выступления были продолжением борьбы побежденных, но не сломленных духом революционеров.

¹²³ ТФГАТО, ф. 152, оп. 12, 1888, д. 15, л. 35.